

Папулов Михаил

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ "НАРКО".

18+

Юрьевич Папулов

Провал операции «Нарко»

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Папулов Ю. М.

Провал операции «Нарко» / Ю. М. Папулов — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Практически реальная антидетективная (если такое понятие соответствует повествованию от лица, преследуемого детективными структурами) история о том, как одиночка сталкивается с государственной машиной и противостоит ей.

—

Казалось бы, чем детективный жанр способен разнообразить читательскую полку? По крайней мере, на текущий момент. В лучшем случае это будет ещё один худо-бедно увлекательный и в той или иной степени запутанный сюжет, достойный, возможно, приличного тиража или удачного сценария для постановки. В целом, единственное, чего катастрофически не хватает этому жанру во все времена, так это художественности. В мировом масштабе, конечно, есть психологические вещи, содержащие признаки серьёзной литературы. У нас, к сожалению, до последнего текущего момента это явление не наблюдалось. Окончание этого так называемого текущего момента ознаменовало появление на горизонте нового писателя, достаточно молодого и, несомненно, перспективного. И это ни кто иной, как новая звезда литературного небосклона Кристина Орлова.

Её сочинение «Провал операции «Нарко», являющееся, по сути, детективом остросюжетного жанра с криминалистическим оттенком, смело можно отнести к высокохудожественному произведению. История простого врача, работающей в простой российской глубинке, начинает захватывать воображение читателя уже с первых строк. И происходит это не по причине удачной сюжетной линии. На острие пера здесь фактура слова. Выбранная манера подачи повествования даёт автору точку опоры, дающей возможность оттолкнуться от мощной гравитации жанра криминального чтива и коснуться бесконечной выси художественного слова. О том, насколько высоко удалось Кристине взлететь в своих трудах, теперь судить лишь читателю. Критика, по большей части, свои выводы уже сделала.

Критик и компания.

—

— История, описанная в этом повествовании, в какой-то мере соответствуют некоторым подобным событиям, реально происшедшим на территории нашей огромной страны. Тем не менее, по большей части события эти, как и герои, являются вымышленными. Таким образом, любые ассоциации, связанные с этим произведением, а соответственно и с его персонажами, являются лишь плодом того или иного воображения.

От автора.

—

ПРОВАЛ ОПЕРАЦИИ «НАРКО».

— В небесах бог, в ГСНН – Я ...
(Генерал ГСНН, контр-адмирал
в запасе Кривена А. Г.).

—

С утверждением, что слово «баба», как минимум, режет слух и искажает женскую суть, согласиться почти каждая представительница моего пола; заостряю внимание – почти. Но не каждая. Хотя в утверждении и есть простор для различного рода дискуссий, и я по большей части с этим согласна. Опять же, по большей части – это значит не полностью. И вот почему: однажды, между делом, я поворошила лингвистический хлам и к удивлению отырла для себя реальное объяснение. Оказывается слово «баба» это есть когда-то общепринятое обозначение

женщины, лишь иногда нагруженное шуткой, иногда пренебрежением. Таким образом, поняла я, все женщины – бабы. Как и все мужчины – мужики. Вот оно как на самом деле! Кому как, а на душе от открытия повеселело. Поэтому-то тон моего предстоящего повествования и оказался насыщен различными оттенками иронии, чаще добрыми.

Теперь подойду к мимолётно озаботившей меня проблеме с другой стороны – с досады. Нет секрета в том, что никто не обижается на противоположный половой эквивалент «мужик». Мало того, за фасадом этого понятия зачастую разгораются претензии на мужество. Но героических символов мало, да вокруг них всегда крутится много мужиков. Именно последние и виновны в подпитке всех, или почти всех, отрицательных синонимов, слабому полу посвящённых. Особенно такому, который на неприличном языке обозначается другим словом с той же буквы «б». А вот тут моё возмущённое сердце переполняется гневом, но пустить в ход ногти не представляется возможным – дорогой маникюр, да и кератин далеко не сталь. Поэтому, дабы унять нервы, я вынуждена предаться некоему подобию полемики.

И так, кто же это такая баба с буквы «б»? Пусть будет какое-то аналогичное, но не режущее слух слово. Блудница. Так вот – это всего лишь раба любви, поступками которой движет, как минимум, сила чувств. Что это за сила такая, вопрос частный, но то, что она не зиждется на материальном замесе, это точно. Налицо лишь душевные порывы. Порой взрывы. Только лично я критична к нимфомании в её вулканических проявлениях. Но это я, а что касается других, ту пусть каждая сама определится – в конце концов, мы не в исламе живём.

Обидно другое – почему слово «блудница» зачастую выводится пером, макаемым в грязные чернила. Ведь применительно к мужчинам понятие «блуд» если не равноценно, то граничит с понятием «доблесть». Да только без блудниц не будет и блудников. Будет – а местами и сейчас есть – зоофилия, гомосексуализм, фетишитиз, ещё много чего, но блуда точно не будет. Так что пусть все блудники-лицемеры скажут большое спасибо за существование той, которую порой с презрением называют простым русским словом «б» – блудница.

Совсем другое дело проститутка. Мат на неё не распространяется. Она бродит по лабиринтам чужих инстинктов движимая лишь материальными задумками и поэтому никакого отношения, за редким исключением, к чувственности не имеет. Добыча её, скорее всего, зависит от знания тонкостей этого лабиринта, но то, что пустые тупики встречаются чаще, чем клады в них, это точно.

Так к чему же я всю эту антимонию затеяла? Всё банально – я простая российская женщина, довольно молодая и более чем привлекательная. Моя фигура, по мнению некоторых ценителей, достойна глянца, короткая тугая косичка напоминает небольшой канат из крепких пшеничных колосьев, а походка порой заставляет мужчин выворачивать шеи так, что слышен хруст позвонков (если позвонки короткие и толстые, то это скрежет, а если удлиненные и тонкие – скрип). Но главное не в этом: я не только банальная баба, но и – по внутреннему складу – где-то блудница, где-то и проститутка, а где-то и пылкая влюблённая; это уж как придётся. Наверное, так и нужно. А теперь конец разъяснениям, так как моё повествование совсем не об этом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

1.

Внешняя сторона любых происшествий не всегда отражает реальный расклад вещей, что зависит порой от многих причин. Всё дело в сути последних, остающихся зачастую в тени. Например, такое происшествие, как беда. Когда она приходит внезапно и застигает врасплох,

её жертва не сразу вдаётся в исследование причинно-следственных связей. Хорошо, если они налицо, иначе усилия, потраченные на поиски, могут принять масштабный характер, хотя иногда и нет. Это уж кому как повезёт. Сначала, как правило, бывает паника. И я не оказалась исключением, когда в какой-то момент жизни ко мне пришла беда. С причинами, как и с подсчётом потерь, пришлось разбираться потом.

По правде говоря, если завалулировать стремления к самоуспокоению и вооружиться философией, то можно и в потере узреть приобретение. Но анализ набирает в логике, если проводится третьей стороной или задним числом. Когда, так сказать, под раздачу попадаешь сам, то, если ты не прохиндей, или облака над тобой сотканы из светлых помыслов, поиск правды может вылиться в подобие пускания мыльных пузырей. Как это примерно произошло в моём случае. Всё вышло совсем неожиданно и поначалу совершенно деморализовало. Но всё по порядку.

Я по профессии врач. Травматолог. Объяснить, какого чёрта меня утянуло в медицину, до сей поры не могу. Когда кто интересуется, то обычно отмахиваюсь, отвечая, мол, все туда шли, ну и я пошла. На самом деле, когда я подавала документы в мед, туда уже не очень-то и шли – пошатнулся престиж профессии, а именно материальная составляющая. Но поскольку было, в принципе, безразлично, где учиться, в итоге судьба одела меня в белый халат.

Несмотря на всякого рода студенческие страшилки, первые три курса дались легко, а вот на четвёртом начались проблемы с зачётами. Причина последних возникла в образе смазливой ловеласы с соседнего факультета. Роман оказался коротким, но бурным. Я тогда в первый раз испытала на пылкость свои чувства, которые вскипели, как сошедшее с ума игристое вино, но также быстро и выдохлись. Выпали, так сказать, в осадок. Лишь когда количество учебных долгов превысило все разумные рамки, рассудок постепенно начал преобладать. Первое время казалось, что ситуация разрешится сама по себе. Но обвал с учёбой в какой-то момент принял настолько катастрофический характер, что едва не пришлось вылететь из ВУЗа.

«Любовь по таким расценкам не для меня» – решила я, когда направилась в деканат исправлять ошибки молодости.

Декан, мужчина более чем зрелый, но ещё достаточно похотливый, сразу просчитал ситуацию. Байки о болезнях, кражах и других несчастьях, свалившихся на голову бедной студентки, как набрякшие капли по сырому листу, скатывались с его сальных ухмылок. Я не сразу поняла, что ему на самом деле нужно. А когда поняла, то долго ломаться не стала. В итоге зачетная книжка приобрела надлежащий вид одним росчерком пера. Совести же, обретшей душок продажности, какое-то время было неуютно в теле, но до самобичевания не дошло. Выручила учёба – общие науки закончились, и подошла фаза непосредственно медицинских познаний, утянувшая пылкий ум на самое дно; или наоборот, вознёсшее к небесам – где ему, просвещению, место, одному богу известно.

Поначалу я сомневалась, по какому пути пойти. Больше тянуло к хирургии, но пугал избыточный блеск её нержавеющей колото-режущих атрибутов. Только унылость терапевтического консерватизма пугала ещё больше, и когда подошло время решать, я всё же предпочла скальпель фонендоскопу. Как раз подвернулась многообещающая интернатура по травматологии в одной из лучших клиник и, в итоге, жизненный путь приобрёл отчётливые перспективы.

Интернатура промелькнула быстро и, благодаря новоявленному коллеге с пятилетним рабочим стажем, оказалась насыщенной в профессиональном плане и бурной в плане личном. Дни среди декораций больничных палат и операционных блоков сменял антураж то ресторанных вечеров, а то и ночей, наделённых томными полутонами гостиничных портьер. Рабочие пятидневки, пролетая на одном дыхании, плавно перетекали в насыщенные экспрессией выходные. Мой бой-френд Серёга, Сержо-Тороццы – как он себя называл, не жалел ни внимания, ни денег, чем совершенно меня не расстраивал. Единственное, что не радовало, возникало в конце каждого месяца в виде бумажки, называемой «расчётка». Цифры, пропечатанные

там, не внушали оптимизма, будучи умноженные даже на число пять. Ну что ж делать, если по части зарплаты российская медицина в мировых аутсайдерах. Ранее казавшееся светлым будущее постепенно окрасилось в нищенские тона. А так как обратная сторона оптимизма пессимизм, то я, естественно, в него и ударилась.

Мой жизнерадостный друг Сержо-Тороцци, однако, не разделил этих переживаний. Посоветовав, шутя, и впредь чаще бывать там, где наливают, он как-то довёл до меня серьёзное утверждение, что хорошего врача должны пациенты кормить. Он, по всему, уже давно жил по такому принципу и, судя по расходам, не безуспешно. Хотя в России мздоимство где-то противозаконно, я в глубине души считала медицину неким исключением, но в условиях интернатуры на эксперименты не решилась.

Частные медицинские центры дерут с клиентов по три шкуры и делают это официально, зачастую потчуя работающего на них лекаря лишь подачками. И почему бы нельзя делать то же самое в государственной больнице, но, как минимум, раза в три дешевле (драть лишь одну шкуру), не теряя в качестве. В общем, когда пришло время получать лицензию на работу, во мне накопился некий моральный потенциал, сулящий относительно безбедное существование.

2.

Хорошие учителя залог будущих успехов ученика. Моя практика оказалась одной из многих подтверждений этой мудрости. Все основные навыки костоправа были с лихвой освоены на интернатуре и, заступив на трудовую вахту, я быстро заработала уважение коллег и стала постепенно набирать клиентуру. Отмечаю: не пациентов, а именно клиентуру, ибо пациент лечится, но за это ещё и платит только клиент. Неофициально конечно.

По закону в государственной клинике за всё финансирует государство – и медика, и услугу, и фармацию. Это, как известно, и есть конёк чиновника, на данной территории жирующего – кто же ещё, если не он о гражданине позаботится. Он, слуга народа, и дёргает за ниточки, административные механизмы в движение приводящие. Забота, естественно, производится с помпой, из-под шумка которой исправно слышен шорох казнокрадства. А если у кого из плебса хороший слух, то его можно и вправить – на это имеются органы внутренних дел. Раньше был криминал, но этот сейчас в тени, инициативу взяли некоторые ребята в погонах. Кое-кто из них по нынешним временам преуспел – на многое идут ради своего карьерного роста и, соответственно, материального благополучия. Не прогнёшься – не поживишься. Но тут я опять забежала вперёд.

Возвращаюсь к медицине. Таким образом, если рука клиента начинает греть ладонь врача, то последний автоматически тянется к теплу тем чаще, чем оно сильнее. В общем, я уже на первом году самостоятельного врачевания поняла истину текущего периода – если владеешь каким-либо мастерством, реализуй его в финансовый эквивалент. Чем я активно и занялась.

Тут главное найти изюминку. А последняя в том, чего хочет заболевший человек. А он хочет поскорее вылечиться. И ещё, чтобы не было боли и страха. В этом и есть основные фишки.

«Доктор, – чуть ли не с порога приёмного отделения начинает умолять какой-нибудь приличного вида мужик, раскrojивший пилой или мотором кожу до мяса, – сделайте всё как следует».

«У нас всегда всё как следует, – обычно уверяю я, и начинаю осмотр, – только сначала придётся подождать, а потом потерпеть».

«Почему потерпеть, – забывая, как саднит его рана, округляет глаза мужик, – а вы разве не обезболиваете?».

«Обезболиваем, но у нас из бесплатного есть только новокаин, – без лукавства поясню я, – а платное запрещено».

И это действительно так, и звучит оно как «будем резать по живому». Всё дело в том, что чиновник на федеральном уровне так расписал. А платно возможно лишь у частника, до которого в данном случае далеко. В реальности есть анестезиолог, но у него и так достаточно дел, на них он по обыкновению и ссылается, если можно обойтись без наркоза.

«А может у вас какие лекарства есть, – дрожащим голосом зондирует почву пациент, – я заплачу».

«Есть ...».

«Сколько?».

«Ну, смотря, что вы захотите».

Здесь пациент не замечает, как меняет свой статус – становится клиентом. И виноват здесь не он. И не врач. Виноват тот, который создал программу социальных гарантий, наплевав на её прямого исполнителя. А кто плюёт на врача, тот плюёт и на его пациента. Отсюда и подобие поборов, именуемых в медицинской среде не иначе, как благодарность.

«Я хочу самое лучшее, – почувяв облегчение предстоящих страданий, жертва обстоятельств несколько успокаивается, – лишь бы не больно. За ценой не постою».

На этом, как обычно, предоперационные прелюдии заканчиваются – клиент, что называется, созревает. Я ещё раз провожу осмотр и уточняю детали – что и почём. Потом даю распоряжения сестре и готовлюсь к операции. Здесь, как уже говорила, я асс. Иногда, когда клиент сразу суёт деньги, приходится пояснять, что брать наперёд некорректно по двум причинам – что качество не деньгами меряется и что попросту плохая примета. По правде говоря, это действительно так, ибо первое правило врача лечить по совести, а не по оплате. Именно это правило, как оказалось потом, и сыграло в моей истории решающую роль. Но об этом впереди.

3.

ГСНН, Государственная служба надзора за оборотом наркотиков, – контора серьёзна. По крайней мере, серьёзную головную боль для индивида, попавшегося в его сети, обеспечить в состоянии. Ребята, приходящие оттуда, стараются держать марку крутизны. Это касается и женщин, там работающих. На самом деле в полицейской среде работа в службе контроля оборота наркотиков считается не совсем престижной или где-то даже ссылкой. Ведь по большей части лишь в новостях да в кино бравый полицейский только и делает, что крутит руки наркокурьеру, следопыт в погонах разгадывает хитросплетения наркосетей, а бесстрашный собровоец берёт с поличным наркобарона и его свиту. Практика наркополицейского же, особенно если он трудится в уездном городке, довольно рутинная и даже скучная. Токсикоманы, опустившиеся на дно социальной лестницы его удел. Поэтому и мечтает он о конфискации больших партий кокаина, во снах озирает – желательно с вертолёта – бескрайние поля мака, в раздумьях выгружает из замаскированных контейнеров тюки с коноплём. Изредка, чаще с бодуна или с температурой тела тридцать семь и девять, видит в грёзах чемоданчики, набитые аккуратными пачками наркодолларов. Если грёзы цветные, то у бедра болтается серебристый кольт. И всегда его зрачок (порой недоспавший и неизменно тусклый) чаруется волшебнейшим в мире чудом – падающей на погон звездой.

В реалиях всё гораздо более приземлённое. В подавляющем большинстве приходится окунаться в вонючий хлам притонов, выныривая из его гниющих хламид то в объётах язвенной дегенератки, то со шприцом дезоморфина в руке, измазанной вредоносной кровью. Иногда из жижи дерьма всплывает использованный презерватив (потенциальная улика изнасилования – шанс для карьеры криминалиста).

Однако всё это как-то не орошает душу карьериста елеем тщеславия. На отрепье профессиональный взлёт не сделаешь. Нужно что-то посерьёзнее, помасштабнее. А где взять? Тут надо пораскинуть серым веществом, заполненным такими же, как его окрас, мыслями. И идея

приходит. Вот именно отсюда и берёт начало масса лишённых здравого смысла уголовных дел, заведённых на ветеринаров, аптекарей, эскулапов – ведь именно в их среде крутятся химикаты, нужные для обезболивания, успокоения, наркоза и некоторых других медицинских козней. Ведь одно дело работать с отбросами общества, а совсем другое схватить врача за руку, увенчанную ампулой цивильного дизайна. И если от его халата пахнет прилично, то тут же можно поставить его в психологический тупик вопросом о доходах, на которые приобретена дорогая парфюмерия. Оперативнику, естественно, ответ заранее известен – он раза три-четыре больше зарабатывает, а духами дорогими не мажется. Обидно. Особенно оперативнику женского пола, особенно если она молодая, некрасивая, с амбициями, и безнадежно незамужняя. Не повод ли это – так, к слову – для ненависти?

Но взять оборотня в белом халате, даже не подозревающего, что он преступник, это лишь половина проблемы. Прежде нужно его вычислить. И на это порой тратятся огромные усилия не особенно одарённого интеллекта. И далеко не один день, наполненный бумажной рутинной. А когда улыбнётся удача и фамилия жертвы обретёт реальные координаты, можно брать. Но просто так операцию замутить нельзя – нужны доказательства. Для этого и существуют оперативно-следственные мероприятия с присущими им мечеными деньгами, контрольными закупками, оперативниками под прикрытием, замаскированными диктофонами.

Легко представить идущую на операцию разномастную от конспирации братию, окрылённую охотничьей страстью. В их, наполненных азартом охоты глазах, уже отражается тусклый свет больничных ламп, стены кабинета, заваленного коробками запрещённых медикаментов на полу, усеянном вскрытыми ампулами. Посреди перепуганный человек – естественно в большом белом колпаке со змеёй – испуганно мельтешит презренными глазками. Его кадык усердно дёргается – только что пережёван и проглочен похищенный или подделанный рецепт. Перед собой он вытягивает руки для наручников – добровольная сдача смягчает наказание. Надо ли догадываться, что и местные и областные газеты зайдутся уголовными сводками.

Честь и хвала ГСНН! И генерал Кривена будет доволен – исполняется его негласный приказ об усилении раскрываемости. Не имеет значение как, а вынь и подай свеженькое раскрытое преступление. Вот такие-то дела.

4.

Любая давшаяся определёнными усилиями профессия, особенно любимая, опасна агрессивной увлечённостью. Не скажу, что я схожу с ума от счастья в работе, но способна погружаться в неё с головой. Но только при условии, если иногда есть возможность хорошего отдыха. Кто же не прочь хорошо оттянуться – так поговаривал мой прежний дружок Сержо-Тороццы. Именно он вдруг вспомнил обо мне и пригласил на какой-то банкет. Естественно чтобы не стыдно было показаться с неотразимой напарницей, в роли коей со мною порой сложно состязаться. К тому же минимум обязательств и ноль расходов с моей стороны. И о каких расходах может идти речь в подобных обстоятельствах, когда напарница сама первоклассный товар. В общем, я без колебаний согласилась.

Банкет организовался по поводу дня рождения какого-то Серёжкиного друга – полицейского по роду деятельности. Естественно и гости в подавляющем большинстве имели отношение к полиции. Учитывая, что в своё время насмотрелась детективных сериалов и начиталась таких же книг, я обрадовалась обилию собравших в одном месте бравых мужчин. Правда, внешне они по большей части совсем не походили на киношных героев, но когда-то ослеплённой волшебной силой искусства, мне казалось, что каждый из них в реальной жизни такой же (по части схватки с преступниками) бесстрашный как в кино, благородный с законопослушными гражданами, ну и так далее и тому подобное. Аксиому, чтобы бывать и разные обстоятельства, и разные люди, и что профессия далеко не критерий личности, мозг попросту отгонял на

безопасное расстояние. Да и кто о таких вещах размышляет в праздничной обстановке. Поддавалось осмыслению только одно – сюда точно не сунется какой-нибудь специалист по части порчи праздничных настроений.

Возможно, у кого подобная озабоченность вызовет усмешку, но мне разок пришлось попасть в передрагу на какой-то или свадьбе или панихиде. Тогда компания из трёх хулиганистых дебоширов (или дебоширистых хулиганов – как оно по правильному-то?) устроила такую драку, что досталось всем кому ни попадя и почём зря. Даже мне, сидящей скромно с краю, прилетело чем-то по голове и потом долго саднило. Мужики как-то сразу разбежались по закуткам. Из героев остался некий бывший опер. Он, поскольку не испугался (уже принял пару-тройку стопок) и поскольку на общем фоне физически выделялся, быстро скрутил всех трёх методом выворачивания суставов – приёмы самбо. Мероприятие было спасено. После этого случая я пришла к убеждению, что на любой, даже захудалой вечеринке один, как минимум, служитель правопорядка не помешает.

Здесь же их, улыбчивых и доброжелательных, было если не поголовно, то большинство точно. Все, как один, напоказ примерные семьянины, держащие под ручку своих благоверных и не забывающие усаживать их за стол, предварительно отодвинув стул.

«Семейно-банкетная показуха», подумала я, переступая подобие порога, являющего грань между рутинной и торжественной. Рутинная, естественно, осталась позади, а навстречу повеяло празднично-застольным ветерком. На самом деле никакой не ветерок, а движение воздуха, создаваемое вентилятором, больше напоминающим подвешенный под потолком пропеллер самолёта. Наверное, хозяин кафешки имел отношение к авиации или был накоротке с дочкой генерала ВВС. Так или иначе, а застольные ароматы, развеиваемые лопастями агрегата, серьёзно ударили в ноздри. И я, поддерживаемая под локоток надёжным Сержо-Тороццы, направилась к своему месту. Туда, что как раз напротив блюда с нарезкой – зелень яркая, а мясо так себе, не особо свежее. Серёга, как и положено, подал мне стул и, получив в благодарность озаряющую – и это уже много! – улыбку, помог сесть. «Интересно, – подумала я, – будет ли он так внимателен к жене, когда женится? И тут же поняла, что нет: ведь он всегда говорит, что в жизни мужчины женщин должно быть не одна. По крайней мере, не лицемерит, как некоторые якобы примерные семьянины.

«Поскреби идеального мужа, найдёшь блудника» так поговаривала одна старая дева, и именно это сейчас мне вспомнилось. Похоже, дева была права, иначе я не обратила бы внимание на немые щелчки зрительных выстрелов в мою сторону. Как в мишень, где нет разметки и лишь сплошное яблочко. Грудь – десятка, зад – десятка, талия – десятка. Если внезапно прицел брал мимо меня, это было молоко в образе верных половин: когда их жёны под каким-либо предлогом окрикивали своих «стрелков», оптика последних нехотя теряла фокус. Таким образом, когда дошла до праздничного стола, я уже была с ног до головы и в обратном порядке совершенно «обстреляна».

Но, дабы не прослыть лицемеркой, признаюсь – мне это понравилось. И раньше нравилось, и, думаю, будет ещё долго нравиться. Разве плохо, когда становишься явным объектом внимания и, подспудно, целью вождения. Если публика, в конце концов, цивилизованная и никто тебя не трогает руками, и нет назойливости, то пусть лицедрят.

Иногда, правда, бесцеремонность некоторых индивидов вызывает нескрываемое раздражение. Особенно, если наглое сверление взглядом лишь цветочки. А семечки, это когда из наивного небытия резко возникает чья-то нечистая ладонь, невзначай прошедшая по бедру – если сверху вниз, то намёк, если наоборот, то откровение. В другой раз это какая-то взмогшая рука, между делом положенная на талию – не ломайся, мол, девка, будь покладиста. А в особых, запоминающихся случаях, это откровенно сжатая в пятерне ягодица – предпоследний по силе медиатор отрицательных эмоций (не будем вспоминать ошеломительный по наглости визит похожей пятерни под юбку – не хрена себе, заявка!). Относительная темнота, некото-

рая теснота, неизменный хмель и ты в какой-то момент ощущаешь, как чей-то невоспитанный мускул уже играет с твоим честным, ничего не подозревающим рецептором.

Но здесь, по крайней мере, на первый взгляд, ничего такого не намечалось: и ребята сдержанные, да и жёны – лучшего надзирателя не придумаешь – при них. Лишь они бы не перепились, но, по рассказам одних и по молчаливому подтверждению других, даже пьяный в дугу полицейский всегда помнит две вещи – как себя вести в обществе и где лежит пистолет. Поскольку пистолетов я не увидела, логично было предположить, что вся воля будет направлена на поведение. Как выяснилось позже, рассказы и подтверждения имели на то основания, и выяснилось это благодаря Сержу, который уже через пару часов от начала застолья надрался в зюю.

В общем, когда мой бой-френд приткнулся в уголок и мирно уснул, на меня обратил внимание один из гостей. Этаким комиссар от сохи, подшофе плохо понимающий разницу между сеновалом и банкетом. Поскольку стало заметно, что я осталась практически без кавалера, он решил воспользоваться моментом и принялся меня откровенно клеить. Через пять минут стало понятно, что шансов у него нет абсолютно никаких, хотя, если честно, шансов у него не было уже и в момент, когда он направился в мою сторону; или даже раньше – когда на это решился. Но рук, однако, поначалу он не распускал.

Я, поскольку не хотела навлечь какой-либо гнев на Сержа, откровенно брыкаться не стала. Так, аккуратно не подпускала на аморально близкое расстояние, включая физически доступное для рук. Ничего нас не объединяло, да объединять не могло. Если по части морали наши линии и могли пересечься – оба, так сказать, отдались службе обществу, то физическая составляющая являла строго противоположный вектор. Начнём с того, что я на дух не переношу, когда кто-то непонятно с какого перепугу вдруг начинает лезть своим артикулярным аппаратом в мой ближний обонятельный план. Особенно если незадолго до этого подавался говяжий антрекот с чесночным соусом. Бог свидетель, кому я подобное и позволяла, так это был мой отец, но родную кровь, извиняйте за аллегория, со сточными водами сравнивать не стоит.

Далее – мне малоинтересны сами по себе истории, будь это различные байки о сумасшедших деньгах или о невероятных приключениях, даже если они украшены восклицательным знаком доблести и основаны на реально героических событиях. Интонационные всплески, пусть и с эмоциональной подпиткой, лишь бульканье, если за ними нет абстракции. И даже правильная дикция, хотя она и имеет большое значение, мне не кажется первостепенной. Я всегда хотела видеть в рассказчике дар к литературным приёмам, а именно к оригинальной способности подачи того, что он хочет сказать. Удачно подобранное слово или уместная фраза – вот медиатор, цепляющий струны моей души. Не плохо, если при этом в воздухе ощущается весенний аромат цветущей черёмухи.

Здесь же изливался поток чего-то лично пережитого в виде событий, шедших одно за другим, причём прямо мне в физию, сквозь облако кулинарного «парфюма» (говяжий антрекот, хотя в более узком, но правильном значении это блюдо называется медалье). Что-то о подвигах «оперов» и об успехах «следаков» – кто это такие, я могла только догадываться, но находилась в состоянии спёртого дыхания и поэтому было всё равно.

– Простите, забыл представиться: подполковник Листиков, начальник районного отдела ГСНН, – внезапно прекратив рассказ, он протянул мне свою мозолистую – последствие длительного контакта с черенком от лопаты – руку.

– ГСНН, это что? – поинтересовалась я и, естественно, так же подала собственную холёную (французский скраб, содовые ванночки, крема с эфирными маслами) «лапку» и потом назвала своё имя.

Далее родился короткий комплемент по части моего, на самом деле заурядного имени. А следом мне пришлось выслушать некое подобие лекции о ГСНН. Повествование оказалось

подробным: что-то об историзме становления, о какой-то кадровой компетентности, про служебную успешность, так же об изощрённости коварства мафии, но ничего о значении аббревиатуры. Дождавшись подходящего момента, я вновь задала вопрос.

– Ах, Да! Простите, это вкратце означает нарконадзор! – Листиков горделиво улыбнулся; с налётом фальши, но, что очень важно, вежливо.

5.

«Вежливость – хорошее поведенческое качество, но вовсе не обязательный аспект порядочности. Как и улыбка: зачастую она лишь разновидность маски, скрывающей оскал безличия, корыстности, насмешки или обмана. И чем въедливей зло, тем обаятельней его улыбка. Прежде чем раскрыть свои карты, зло, скорее всего, предстанет в маске, инкрустированной бисером улыбчивости.

Hello, я злодей! – абсурд!

Как охотник применяет маскировочный костюм, так и злодей аналогично использует улыбку и вежливость. А если индивид обретается на невысокой ступеньке развития, то его улыбка и вежливость становятся способом тяжёлого выживания в окружающем мире. Мимикрия – способ существования ...».

Подобные строки я прочла в предисловии к роману некоего итальянского писателя Лероса Питони «Следствие закончено, забудьте» – случайно попавшая в руки книга, оставившая в душе сильные впечатления. «Бывает же где-то такая несправедливость» думала я, перелистывая страницу за страницей. Особенно врезалась в память сцена, когда главный герой спрашивает надзирателя, почему он выбрал эту работу. «А что я ещё могу» улыбчиво ответил тот и скрылся в лабиринте каземата.

Книга, по правде, на любителя, но сценка получилась выразительной. И почему же она не пришла на память в момент этого знакомства. Всё дело, скорее всего, в спиртном. Нет, нет, я вовсе не перебрала с выпивкой на этом банкете. Мало того, я чётко помнила, и всегда помню, о необходимости самоконтроля на любом общественном мероприятии, но без лёгкого шума в голове любой праздник превращается если не в пытку, то, как минимум, в тоскливое мероприятие. Пусть и малый, но градус способен скрасить вечер и слегка затуманить разум, и я не отметила, в какой момент потеряла чувство дистанции. Если быть более конкретной, то данном случае дала повод её нарушить, даже не заметив. А заметила, когда оказалась зажатой между кирпичной кладкой подсобки и жилистым телом начальника райотдела ГСНН. Вежливость в этот момент исчезла, как и не бывало.

И почему это некоторые мужики, особенно имеющие мозолистые ладони, такие сухопарые? Точнее – жилистые. Или порода такая – сколько не корми, всё как в прорву. Или они до отупения лопатят подсобные – своя картошечка, зелёный лучок, свежая моркошка – огороды; отсюда и мозоли. Не знаю, но почему-то я не люблю таких вот жилистых мужиков, даже высоких. В смысле и когда ухаживают, и когда лапают. К слову, люблю я обходительных и умных, но таких, среди встречавшихся мне по жизни, указанной выше породы не попадалось. Видимо в этом есть какая-то взаимосвязь: по всему, интеллигентность редко селится в гонимом теле. Конечно, по части подобных заявлений некая часть сильного пола скривит злобную ухмылку, но извиняться не собираюсь – бабам от сильного пола (и от тех, что с мозолями, и без) куда больше достаётся. Такое порой узнаёшь, уши в трубочку сворачиваются, стоит лишь слух наострить. Коряга, лоханка, мочалка, корова, ещё много чего – всего списка «лестных» терминов не перечислить. Естественно, рассуждения типа «мозолист, значит – ехиден» не имеют под собой никакого основания, но для меня всё одно: мозолистость – отдельно, романтизм – отдельно. Особенно, когда ощущаешь талией, как заусеницы натруженной пятерни массово цепляться за изящные нити платья, голову обносит совсем не романтическими веяниями. А где

потрудилась заусеница, там наверняка появится затяжка. В общем, первое, о чём я подумала, когда господин Листиков проявил ко мне некие тактильные чувства, это о затяжках. Сначала на платье, а следом и на колготках.

6.

– Господин полковник, – в меру заёрзав, чтобы заусеницы его ладоней не наделали этих самых затяжек, я попыталась оказать сопротивление, – люди же кругом, смотрят.

Внезапно придавленный душевным грузом, возможно обусловленным недостающей звездой (полковнику, наверное, позволила бы себя лапать!), ловелас надрывным голосом поправил меня:

– Подполковник ...

Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, есть ли действительно слежка, он последней не обнаружил и вновь повернулся. Взглянув так, что я почувствовала себя в чём-то подозреваемой, Листиков принялся посвящать меня в дифференциацию чинов. Объяснение оказалось настолько выстраданным, что перед моим взором ясно выстроился вектор мечтаний человека, надевшего (или одевшего – как там по ихнему правильно; нацепившего) погоны. Мечтания, по всему, не имели реальной базы – отсутствие покровителя или квот, или интеллекта. Я, по правде говоря, и без этих пояснений неплохо разбиралась в званиях. Так, хотела польстить служаке, а он всерьёз воспринял. Кроме того, мне и тогда было и сейчас совершенно «каши навалить» на все эти звания и чины. Но есть большая прослойка людей, для коих в этом смысл существования, так что я задела за живое. Можно конечно, было слегка поехидничать об отсутствии юмора у служаки, но, с другой стороны, вдруг его взбесит то, к чему я буду клонить. Я уже, было, собралась подыграть и понятливо закивать головой, мол, теперь поняла, кто есть кто, как из зала, а он находился как раз за углом колонны, к коей оказалась прижата главная героиня повествования, донесли аккорды гитары. Электрогитары. Что-то вроде попытки настройки струн. Потом чей-то знакомый голос объявил начало выступления.

– О, боже! Это же Фикс! – обрадовалась я, вспомнив, что Серж говорил о том, что лично организовал выступление известного в нашем городе музыканта по имени Филя.

Его фамилии начиналась на букву «к» и заканчивалась, кажется, на «с». Отсюда – симбиоз фамилии с именем – и кличка. О полном звучании фамилии имелось лишь смутное представление, но все, кто посещал местные кафешки и ресторанчики, были в курсе редких способностей гитариста-самоучки. Он знал наизусть почти все популярные композиции классической рок-музыки и даже прекрасно подражал их авторам. Он мог «сбацать» на неизменной шести-струнке всё от фолк-рок и до хеви-метал, но особенно любил Т. Рех и, как на икону, молился на портрет Марка Болана, ныне покойного. Парочка его, Болана, вещиц, а именно Ballrooms Of Mars и Monolith, неизменно звучали на каждом мероприятии, где самоучка, в хорошем смысле слова, засвечивался. Мало того, мероприятия начинались и заканчивались этими вещицами.

Когда впервые услышала Фикса, я попросту обалдела. Вернее, вначале было безразличное лицемерие публикой, частью коей являлась я, обусловленное заурядной внешностью исполнителя. Потом, по мере прослушивания, возникло нарастающее удивление, а уже после – полный балдёж от услышанного. В конце представления, а это действительно оказалось представлением, по причине неожиданно полученных эмоций в голове возникло ощущение лёгкого бриза, вызванного живым исполнением.

«Вот это суппер!!!» – пронеслись в моей голове восторженные мысли, когда он исполнял Teenage Dream.

Скромные физические данные, отсутствие напускной харизмы, безвкусие в одежде – всего того, чем принято украшать заурядность, с избытком перекрывалось исполнительскими способностями Фикса. А может и таланта. Образуя с электрогитарой единый организм, он,

наверное, не зря заслужил среди местных прозвище «гитаромен» – вроде как аналогия робота. Не могу утверждать, но родился в другой – страна или время – среде, он, возможно, мог бы стать знаменитым музыкантом. Не исключено и великим. В реальности же, приходилось довольствоваться уровнем уездного масштаба, временами замахиваясь на губернию.

– Какой ещё Фикс? – недовольно поморщился Листиков.

– Тот, что надо! – не вдаваясь в разъяснения, я взяла его под локоть и легонько подтолкнула вправо, если смотреть от меня, или влево, если от него, – идёте, господин подполковник!

Когда мы вошли в зал, Филя, по всему, обнаружил сбой в игре инструмента и сосредоточенно принялся подтягивать и ослаблять струны. Насколько я знаю, он иногда делал это перед выступлениями, как и весь эстрадный мир делает. Мелочь конечно, а сколько шарма; антураж, как же без этого.

В общем, мы стали пробираться к столикам и тут меня будто пробило несильным, но пронизывающим разрядом электрического тока: мой восторженный взгляд случайно столкнулась с другим, наполненным ненавистью взглядом. Хозяйка последнего молодая, но с кожей землистого оттенка, женщина, находилась в несколько затенённом углу, отчего её глаза как бы светились. Свет этот явно излучал злобу, и без сомнения в мою сторону.

«Она увидела во мне соперницу, – догадалась я и, несколько смутившись, направилась к своему месту.

Стул Листикова находился совсем в другой части зала, поэтому, с топорной галантностью проводив даму – то бишь меня, он двинулся к себе. Тут Фикс, как и положено, объявил «вещь» Марка Болана «Bang A Gong» После вступительного проигрыша, от которого я уже завелась, зал наполнился бесподобными по красоте звуками. Я тут же забыла обо всём вокруг – о своём друге Сержо-Тороццы, о незнакомой ревнительнице, и даже о напористом офицере нарконадзора.

Как потом оказалось, понапрасну.

Единственное, что доставило массу впечатлений от времени, проведённого в непривычном для меня обществе, было выступление Фикса. За последней его песней – на этот раз что-то новое – будто наступила злоецающая бесконечность. Как неизведанная пустота за последним видимым столбом частокола, уходящего в туман.

Злые ассоциации возникли в моём воображении оттого, что полицейские в своём большинстве оказались недовольны выступлением – они тут же принялись просить исполнить какую-то муть из шансона. Кто что – про эскадрон, про спецназ, и даже про тюрьму. В общем, они хотели бардовскую песню, чтобы можно было подпевать. Что ж, каждому своё. Мне же слушать «Владимирский централ» совсем не хотелось – ни с подпевкой, ни без неё. И, растолкав трезвеющего Сержа, я направилась с ним восвояси.

7.

Я думаю, трудно не согласиться с утверждением, что жизнь летит чертовски быстро. Если ты не испытываешь физическую боль, не сидишь в заключении и не тянешь руку со ступенек паперти, то от ужасов восприятия скорости спасает как минимум отсутствие свиста в ушах. Время само по себе действует бесшумно – берёт, так сказать, тихой сапой.

«Кажется, ещё на днях шли с Сержем с банкета, – рассуждала я, стоя у окна в перерыве между операциями и без эмоций созерцая редкие, но крупные тополиные снежинки, – был майский тёплый вечер, а сейчас уже далеко не весна».

Серёга тогда набрался как скотина, и выручило такси, иначе пришлось бы тащить его на себе. Потом я какое-то время его не видела – по части женского пола парень он не обязательный, но это и не важно. В отношениях без обязательств нет места обидам – такой подход настолько удобен, что в последнее я возвела это в статус принципиальности. Тем более что

подобное поведение не противоречит природе – в большинстве случаев самка пересекается с самцом только в период, отведённый творцом. Но последний наделил одно из своих творений не только инстинктом, но чувственностью и разумом. Так что некоторые из творений – я, в данном случае – решают для себя сами, какую линию поведения выбрать.

В общем, с кем хочу, сколько хочу и когда хочу. Кому-то покажется это вызывающим, но, в конце концов, я не паучиха «чёрная вдова»: не кусаюсь и никого не убиваю. Что касается разбитых сердец, так ещё раз повторяю: прежде всего, никаких обязательств.

К счастью, мои далеко немногочисленные пассии имеют рассудительный склад ума, да и моя загруженность работой оставляет ничтожно мало времени на «с кем, сколько и когда». Так что на деле паучихе совсем не до пауков: не погибнуть бы самой в паутине трудов своих праведных, пусть и наделённых налётом корыстности.

Не поработаешь – не заработаешь. Сколько вкалывать и что при этом заработать, это уже другое дело, но принцип прямой трудово-рыбной пропорциональности (без труда не выловишь рыбку из пруда) никто не отменял. А так как другого стимула к работе, чем её материальный эквивалент, я не признаю, то и к золотому тельцу отношусь где-то с почтением. И стесняться мне здесь нечего, так как чем больше и лучше я работаю, тем громче звенит падающая в мою ладонь монета. Оттого-то и приходится загружать себя дежурствами, подработками, консультациями, удовлетворяясь хронометрической скупостью судьбы, безразличной к промежуткам, именуемым «личная жизнь».

Справедливости ради нужно отметить, что оставшегося времени всё-таки оказывается достаточным не только для желанных знакомств, но для встреч, не вызывающих энтузиазма. Одна из таких произошла через пару недель после уже известного знакомства с подполковником Листиковым: именно он заявился на мою работу якобы с целью проверки наркотиков. Раньше никогда не заявлялся, а тут нате, подарок. В общем, пока его подчинённые шерстили больницу, сам он просидел в травматологии, занимаясь расспросами в своей профессиональной области. Беседа велась по большей части со мной, из чего я сделала заключение, что меня опять пытаются склеить – так «продвинутая» часть населения именуется процесс ухаживания. А поскольку моё отношение к подобной категории ухажеров имеет статус устоявшегося, то я не церемонюсь – опыт – отмела все подвижки на корню. Причём сделал это так, что никто из рядом присутствовавших – и мои и его коллеги – вообще ни о чём не догадался. Кроме одной: да, именно той злобной дамы, что пускала в мою сторону молнии из-под налитых ненавистью век ещё на банкете. Здесь, при свете энергосберегающих лам, взгляды, движимые ревностью, выглядели ещё более зловеще. Я, конечно, всегда сочувствовала неприметной красоте, но в адрес данной представительницы не было абсолютно никакого сострадания. Даже отмеченное печатью физической немощности зло не достойно жалости. В общем, ни с чем ушла и ревизия, и её шеф – нарушений в работе больницы выявить не удалось.

Листиков, однако, не успокоился: не прошло и недели, как судьба вновь свела нас – не зря, видимо, говорят о существовании любви, коею бог отметил троицу. Третья встреча, как я сразу догадалась, имела отнюдь не случайный характер. Всё указывало не только на ухажёрские претензии, но и на их настойчивый характер. Даже показалось, что во всём этом имеется некоторая скрытая угроза, но я быстро отмела подобные подозрения. И как потом оказалось зря. Наперёд не заглянешь; по крайней мере, не всегда. В общем, он встретил меня по дороге в магазин. В супермаркет «Норман» (наверное, названного в честь певца Криса Нормана из группы «Смоки»). Я проходила мимо стоянки, а он оттуда выезжал. Или заезжал: не знаю, где там выезд (въезд?) – городская теснота зачастую даёт простор фантазиям проектировщиков.

– Привет, дорогуша, – со спины донёсся вроде бы знакомый голос.

«Мало ли на свете дорогуш, и голосов схожих тоже хватает» – подумала я и, решив не пополнять ряды лучезарных дур, без всякой ответной реакции продолжила путь.

Быстро забыв о возгласе, уже через две секунды я затылком почувствовала приближающийся лёгкий шум, похожий на дыхание. По причинам личной безопасности пришлось поспешно оглянуться – вплотную ко мне, на малых оборотах и поэтому почти бесшумно, подъезжал автомобиль. Конечно же, хозяином и автомобиля и звуков (или владельцем – кому как угодно) оказался ни кто иной, как господин Листиков.

«Опять он, этот сухопарый лось, – в глубине души догадавшись, что сейчас меня ожидает, я несколько ужаснулась, – и как это его дыхание, возможно затруднённое массивными «сушенками», показалось мне лёгким шумом? Оно даже перекрывает работу мотора».

– Дорогуша, – Листиков, видимо опасаясь, что вновь не будет услышан, для надёжности прямо через опущенное боковое стекло полез мне прямо в физию, – привет!

– О! Господин подпоручик! – стараясь подавить с трудом скрываемую иронию, я попыталась изобразить сдержанную радость, – Привет! Привет! Какими судьбами вы здесь?

– Я – подполковник, – несколько насупившись, уточнил Листиков (видимо, это всё ещё очень важное обстоятельство) и продолжил, – да вот, в магазин решил сгонять за продуктами. Глянул в холодильничек, а там пусто – нет овощей. А как без зелени-то? Картошечка, маркошка, лучок, капуста – витаминки же. Вот и решил сгонять!

«Или он действительно считает, что мне интересно, куда его носит и зачем, – я в душе ухмыльнулась, так как считала, что занудой является любой малознакомый человек, рассказывающий о себе, когда его ради приличия спрашивают о делах и жизни, – или это прелюдия к ухаживанию в стиле «а-ля кобель».

Верным оказалось, естественно, второе предположение, но его обратной стороной всё одно является предположение первое. Так или иначе, но подъехал он ко мне, так сказать, нестой стороны.

Вообще не особо важно, откуда и на чём к даме «подъехать», главное в этом деле красиво «вырулить» и эффектно «припарковаться». Раз уж в ход пошла автомобильная терминология, то подобный процесс мне представляется примерно так: красивый автомобиль, появившийся из «ниоткуда», лихо описывает полукруг и без всякого лишнего лавирования останавливается так, что приветливые глаза водителя и аналогичные его пассии встречаются взглядами аккуратно через открытое боковое окно. При этом тормоза настолько хорошо прокачаны, что кабина в миг полной остановки подаётся слегка вперёд вместе с хозяином и через долю секунды возвращается в правильное положение благодаря совершенной системе амортизации. В общем, вроде героя на коне, или как принц под алыми парусами – короче, где-то в стиле фантазий Саши Грина. Но я, как уже известно, не Ассоль и мне если и интересна любовь, то только в чистом виде, без всяких «прибамбасов».

Листиков же, путь бы даже и не подвалил, а просто красиво подъехал, да ещё и не напугал, а приятно удивил, всё одно не имел шансов. И вовсе не потому, что он не Грей – я вообще отношусь с ухмылкой к фантазиям о героях-любовниках, особенно увенчанных восклицательным знаком кокард. Для меня всегда было важным – и сейчас важно – личное обаяние человека, а если его недостаточно, то хотя бы обаяние материального характера: ну равнодушна я к богатству, что тут поделаешь. А уж кого жизнь пошлёт, одному богу известно. Лишь бы это не был болван из числа подобным любителям маркошки и лучка.

– И правильно! Витамины, это гарант твёрдости духа, – не желая дальше вникать во все обстоятельства его гастрономических дел, я решила как-то выходить из завязывающегося разговора, – если уж решил, значит, однозначно, сгонял! А коль нет лучка на столе – то нет и решительности в жизни, а значит, нет и дела! Всё по мужицки.

Листикова после этих слов несколько перекосило: его, явно, задела не столько явная ирония, сколько скрытое пренебрежение. А чего он ещё хотел: знакомясь, чуть ли не лезет под нижнее бельё, а получив вежливый отказ (подчёркиваю – вежливый; другая по морде даст!), устраивает служебные проверки – чем не домогательство! А тут – на тебе, нарисовался краса-

вещ: «Привет, дорогуша». С другой стороны можно понять человека, достигшего высшей ступеньки своей эволюции – все барьеры позади и всё позволено. Но то, что для него вершина, для меня даже не приступок, поэтому пусть и отстреливает птиц, промышляющих на его высоте. Может для него «Табель о рангах» сродни библии, но я признаю другую религию. Да и на «ваше высокоблагородие» он всё одно не тянет, и дело здесь совсем не в звании и чине. Говорю же – сухопарый; и сам он, и его интеллект.

– Да, без решительности в нашем деле никак, – после некоторого молчания (результат осмысливания сказанного мною), многозначительно пояснил он, – вот я и решился пару раз набрать ваш номер, но вы не ответили. Что так?

«Позвонил пару раз? – обуздывая мимику, я напрягла извилины, – что-то не припомню, когда это я допускала недогляд за пропущенными звонками?!».

Листиков тем временем, пусть и ненавязчиво, продолжал сверлить меня взглядом – видимо желал вывести на «чистую воду». Скорее всего, считал, что я должна смутиться и начать оправдываться. Как забывшая проявить воинское приветствие девица из тех, кто находится в его непосредственном подчинении. Но я даже не помыслила объясняться перед ним; я не из тех его девиц и не буду отдавать честь; и в прямом смысле, и – тем более – в переносном.

Он, конечно, в душе уже строил планы по второму варианту – «переносному», но я даже не собиралась разбирать «полёты» с какими-то пропущенными звонками. Поэтому мой ответ оказался нескрываемо нахальным:

– Не было средств на балансе.

Это, по интонации, больше походило на «нет чувств на сердце». После таких слов он, судя по мимике, не смог выбрать верную линию поведения, насунился и в итоге отвалил на своём заграничном драндулете в неизвестном мне направлении.

8.

Если я слышу от человека заверения, что якобы его мало интересуют деньги, то первым делом копаюсь в памяти, пытаюсь подобрать для такой логики подходящий диагноз. Пусть и выше уровнем обывательских познания в психиатрии, но довольно примитивные с профессиональной точки зрения, заводят меня в тупик, сводя всё к понятию «идиотия». Ну, кто же, как не идиот, способен недооценивать деньги. Речь, конечно, не о олигофрене, что проживает в дурдоме по причине полного отсутствия мышления и речи. И не о древнем греке, который в свои старые эллинские времена – термин пришёл из тех веков – не участвовал в общественной жизни (отрывался от коллектива). Я, когда каким-то образом оскверняются товарно-денежные отношения, имею в виду банальную человеческую глупость, и именно для её обозначения и использую некоторые подходящие уничижительные словечки. Не поворачивается язык величать умником бессребренника, если это только не лик святости.

«Зенитно-ракетным комплексом надо убивать таких умников», – как-то всплыла я в уме, когда главный врач на одной из оперативок принялся втирать подчинённым, что медицинский пилотаж осваивает совсем другие орбиты, вне материального радиуса.

Гиппократ конечно Гиппократом, но и клятву нужно чем-то подкреплять, и рубль здесь надёжная опора. На пути этого укрепления, правда, стоит уголовный кодекс, но если работать по уму, можно не бояться встречи с суровым взглядом прокурора. Но, как говорится, даже и на опытную женщину преклонного возраста бывает проруха. Что ж тут говорить о молодой, практически не знавшей бед девушке, в какой-то момент ставшей своего рода мишенью. Это я к тому, что «кирпич», прилетевший в один прекрасный момент именно в мою голову, был запущен именно целившейся рукой.

В общем, когда к тебе идёт кое-какая удача, не стоит зарываться и, если имеются потенциальные тёрки с законом, нужно всегда быть начеку. Многие «орлы» – и малого (без счёта),

и большого (не так часто) полёта – ушли в последнее пике, забрав крылом лишнего воздуха. Облака так же таят опасность, и если хочется жить спокойно, крутиться нужно где-то между ними и земной твердью. Я мало рассуждала – если честно, вовсе не рассуждала – на подобные темы и оттого в один прекрасный момент увязла в подобии небесного киселя.

Кто-то, наверное, усмехнётся, представив взявшего на лапу врача этакой птицей высокого полёта, но для поборников служебного взлёта в погонах он желанная добыча. Настоящий хищник миллионами, а по нынешним временам и миллиардами, хапает, а тут какая-то пара сотен. Но опер – не киношный, а реальный из жизни – по большей части трудных путей не ищет (распутать сложную криминальную схему ума хватает далеко не у всех; очень далеко не у всех), и именно поэтому в один прекрасный день на дисплее именно моего мобильного высветился незнакомый номер.

Какая-то дама заискивающим голосом поведала, что страдает неким несложным недугом и очень хочет от него избавиться. Ещё она сказала, что обратилась по рекомендации моих знакомых и что готова щедро расплатиться за помощь. Я, конечно, сразу ощутила запах денег и охотно, без всякой опаски, принялась выяснять суть дела. Эта суть заключалась в так называемом предварительном сборе анамнеза для выбора последующей посиндромной тактики. Простыми словами я вкратце попыталась узнать, что и где болит и что с этим можно сделать.

Дама пояснила, что по неким причинам не может всё рассказать по телефону, но почему-то спросила, чем будет производиться обезболивание. Уже здесь нужно было насторожиться – обычно никто не интересуется названием препаратов, разве что аллергики. Да и у тех свои нюансы – как минимум, в голосе имеются ноты опаски за свою жизнь. Здесь же вопрос коснулся именно названия препарата, без настораживающих интонаций. Я, даже не помыслив насторожиться, поддалась на заискивающую манеру и без задней мысли назвала препарат, вернее назвала несколько препаратов, но дама, услышав название одного из них, сказала, что всё поняла. Дальше она принялась выяснять, сколько всё будет стоить, но тут меня бог отвёл: я предложила встретиться и уже тогда всё решить. Дама согласилась.

Доверчивая рыба, я, как выяснилось позже, в этот момент оказалась на крючке. А всё дело в том, что в свободном обращении не все препараты разрешены законом, и в свое практике я где-то этот закон нарушала. Но не думала, что это может оказаться настолько серьёзным. В общем, дама на том конце телефонной нити поблагодарила меня за отзывчивость и мы сошлись на том, что обсудим детали при встрече.

От предчувствия заработка где-то в глубине души потеплело – когда наживка закамуфлирована, жабры по большей части не чувят опасность.

Не успел палец соскочить с клавиатуры, как мобильник вновь запиликал. Номер опять оказался незнакомым, я даже мельком предположила, что это, наверное, ещё один клиент: когда деньги активно идут в руки, естественно думаешь о деньгах, когда нет – тоже. Но в этот раз предчувствия меня подвели: в трубке раздался голос ещё одного моего старого знакомого, и корыстные мысли отошли на задний план.

Здесь стоит прерваться и совершить небольшой экскурс в достаточно недавнее прошлое, где жизнь свела меня с довольно необычным человеком. Ну, по большому счёту, не таким уж он являлся и необычным, но на общем фоне застенчивой или беспардонной посредственности выделялся. Звать его Женя, а погоняло – Жек, хотя это больше соответствует нашему «Жилищно-эксплуатационная контора: ЖЭК». В общем, знакомы мы со школьной парты, друзьями не были, но приходилось частенько общаться. У Жека имелся иммунитет к школьным учебникам, но при этом присутствовал талант к предпринимательству. В результате из образования он освоил лишь неполное среднее и автошколу, но после армии его материальные дела пошли в гору. Строительство, ремонт, отделка, приобретение недвижимости или сдача её в аренду – он во всём принимал активное участие и из всего извлекал деньги. На любов-

ном фронте так же одерживалась победа за победой. Я по каким-то причинам оказывалась вне амурского прицела, и лишь благодаря огрехам его здоровья наши дорожки не разошлись.

С Жекой всегда что-то происходило: то колики в сердце, то острая слепота или скрип плеча, или неизвестная зараза. В общем или-или. И каждый раз, страшись инвалидности, а то и смерти, он обращался ко мне за помощью. Почему ко мне? Да потому что доверял. Он так и говорил – я тебе доверяю. Я всякий раз таскала его по соответствующим кабинетам, прося знакомых докторов разобраться. Те, естественно, разбирались, диагноз снимался и жизнь продолжалась. Такая вот история с этим Жекой.

Услышав его голос, я, естественно, решила, что опять что-то стряслось, но отсутствие пессимистических ноток в голосе создало некую тупиковую ситуацию. Не дав сообразить, с какой стати производится звонок, Жека сходу и скороговоркой поинтересовался, слышала ли я про дым над водой.

– Если это пар, то только про тот, что над чашкой с кофе – недоумённо ответила я, гадая, что он хочет.

– Какой на хрен кофе, – раздражённо прохрипел Жека, – какой на хрен пар: Дипарпул...!!! Смоке он ве вотер...!!!

– Deer Purple? – догадываясь, что он пытается донести, переспросила я, – Smoke On The Water?

– Ну да!

– Конечно, слышала, – не скрывая удивления от наивного вопроса, ответила я, – кто ж не слышал? А ты только что узнал об их существовании?

В трубке наступило некоторое молчание: Жека, в душе считая себя эрудитом, явно обиделся – он и всегда обижался, и сейчас обижается, особенно в присутствии третьих лиц, когда в его адрес подшучивают. Он называет подобное «умничаньем», при этом, не видя разницы, например, между понятиями «эрудит» и «полиглот» (не говорю уже о билингвах и полилингвах, но тут уже я действительно умничаю).

– Дипарпула всё знают, – сглотнув комок обиды, уточнил он, – ну так что, пойдёшь?

– Куда? – не поняв, чего он хочет, спросила я.

– На Дипарпул.

– Ты так говоришь, будто они к нам приехали, – я не поняла, то ли Жека меня разыгрывает, то ли хочет пригласить в тематическое рок-кафе, то ли попросту сбрендил

– То и говорю, – уверенно, с элементами металла в голосе, пояснил он, – я уже заказываю билеты. На тебя брать?

Я поняла – Жека не шутит. Вот это да – музыканты звёздной величины да в нашем захолустье, пусть и губернского уровня! Эту группу любил слушать ещё мой отец. Он продолжает её слушать и, думается, будет слушать дальше. Раньше, во времена молодости моих родителей, зарубежные музыканты, как и всё буржуйское – одежда, техника, кино, воспринимались чем-то космическим. Сейчас времена изменились, но тамошняя эстрада, особенно английская, всё ещё находится на недостижимой высоте. Пускай даже некоторым её представителям по семьдесят. Поэтому посетить концерт Deer Purple – редкий, если не единственный, шанс, и я, естественно, даже не подумаю его упустить.

– Брать!

Короче, Жека пообещать приобрести для меня билетик на концерт. Будучи уверенной, что он не подведёт, я, подгоняемая зазвучавшей внутри мелодией из Highway Star, занялась своими делами.

Есть утверждение, что наибольшую опасность для человека представляет сам человек. Конечно, если из списка опасностей отменить природные катаклизмы, неизлечимые болезни, хищных животных, ядовитых рыб, мужей-алкоголиков, гамма-джеты квазаров и т. д. и т. п., то так оно и есть. Но, предупреждая о беде, землетрясения рапортуют геомагнитными изменениями, болезни ужасают симптомами, хищники рычат, ядовитые рыбы щетинятся иглами, от мужей разит перегаром, квазары взрываются. Опасный человек же обыкновенно не выдаёт злых намерений – если задумал коварство, он маскирует его, используя какое-нибудь надёжную маску; во все века универсальна приветливость.

– Здравствуй доктор, – раздавшийся в трубке голос не насторожил даже ни на йоту, – мы с вами на сегодня договаривались.

Я сразу узнала эти заискивающие нотки, отдающие шелестом купюр: это та самая дама с неотложным недугом, что по рекомендации друзей искала встречи со мной неделю назад!

«Надо же, какой душевно располагающий диапазон связок! – удивилась я божьему дару, не подумав, что всевышний вообще-то многообразен по части комбинации даров и что вообще нужно быть осторожным, разговаривая по телефону.

– Конечно, конечно! – я, как и положено, нацепила маску услужливости, плотная ткань коей затеняет опасность, – я вас уже жду! Поднимайтесь ко мне!

Всё правильно – где выгода, там и услужливость. Но, в корыстном предвкушении, скрашиваемом благородством предстоящего действия, скрипка профессионального долга играла первую партию в моём сердце – как бы там не было, а прежде всего, будет оказана больному помощь. Гиппократ прочно засел внутри, отодвигая все коммерческие моменты на второй план. «Не навреди» – старо как мир. Да предастся каре забывший клятву! Следование заповеди, возможно, и убергло меня впоследствии от более серьёзных проблем.

Не подозревая, что последние возможны, я на стук открыла дверь кабинета. Представшая предо мной пациентка, несмотря на слегка отталкивающую внешность, обаятельно улыбнулась, после чего и была приглашена присесть на стул. Больше приземистая, чем невысокая, одетая довольно невзрачно, но опрятно, она приняла приглашение. Мне даже показалось, что я уже где-то уже встречалась с обладательницей этой нечистой кожи, покрытой какими-то мелкими бугорками и оспинками. Но сквозь затёмнённые стёкла очков – оправы подобрана безвкусно: позолота местами отлетела, на дужках сколы – глаз не разглядеть.

«Наверное, веки с дефектами, поэтому и прячет», – решила я и, дожидаясь, пока устроится поудобней, продолжила её рассматривать.

Молодая дама, лет двадцати пяти, имела – оговорюсь, что это сугубо частное мнение – внешность «неприметной красоты» из старой песни. Про ту, кою и на танцы не приглашают и до дому не провожают. Общество по обыкновению с некоторой жалостью относится к категории населения, воспетой в этой песне, будь то мужская или женская часть. Получается: ты некрасив, а значит, обижен богом, то есть где-то убог, что напрямик ведёт к праву на получение сертификата жалости.

Но здесь надо немного разобраться. Некрасив, вовсе не значит убог. Кроме этого к убогости можно отнести и физическую увечность, а так же и духовную посредственность. А вот тут действительно трудно что-то поделать: ума порой не дашь, а увечность далеко не всегда исправишь. В отличие от неприглядности, которую всегда можно как-то примять косметологией, навалится на неё пластической хирургией. Да и фокус интеллекта порой сильнее ужимки красивого взгляда, так как мышцей, даже мимической, всегда движет извилина. Поэтому, коль твой образ прост, то усложняй рисунок своего мозга. Если в этом достичь успеха, то внешний мир в глазах наблюдателя (собеседника) затмится внутренним. При определённом усилии это более чем возможно; в истории много тому доказательств, и перечислять все попросту нет смысла – всё в книгах написано.

Неприметная афиша может вещать о невиданном действе, хотя в наше время возможно и обратное. Поэтому-то я не спешу с выводами, когда вижу невзрачного человека: а вдруг его лицо имеет не общее выражение, скрывающее необозримые просторы интеллекта. Последний больше и долговечней.

Поэтому-то, прежде чем жалеть дурнушку, я задумывалась о том, а что я о ней знаю. За невзрачной внешностью может скрываться что угодно: и доброта, и мыслительные способности, и обаятельный дар. И ещё зло. Но вся эта умственная гимнастика уходила глубоко на задний план, когда передо мной являлся пациент, особенно клиент. Кто бы он и какой не был.

– Ну, и что у вас стряслось? – совершенно не обращая внимания на прыщики и оспинки лица, я задала стандартный вопрос пациентке.

Она, мило улыбнувшись, пожаловалась на боли в плечевом суставе, плохом его функционировании. Особенно смущало её отсутствие причин расстройства – не ударила, не застудила, не наджабила. Недуг, как выяснилось, беспокоит уже достаточно длительное время и порой причиняет серьёзные страдания.

– Уснуть иногда невозможно, как ноет, – заключила девушка и в доказательство повернула плечо, сопроводив движение стоном.

«Ещё немного, и её сустав либо заскрежещет, или кость треснет», – подумала я, увидев явно гипертрофированную гримасу.

– Странно, – с долей недоумения заключила я, закончив осмотр, – рука нормально функционирует. Нужен рентген.

– А у меня уже есть рентген, – вновь заулыбалась она, – вы только скажите, сколько нужно будет вам заплатить?

Я удивлённо посмотрела на даму: ещё нет даже диагноза, а она уже решает вопрос оплаты. Если придерживаться логики, естественно любая работа чего-то стоит, но как можно определиться со стоимостью не зная объёма. Время, силы, расходные материалы – всё это нужно учесть. Не особняком стоят и материальные возможности заказчицы. Но возможна, она имеет в виду именно аспект диагностики. Так или иначе, я решила уточнить.

– За что вы хотите мне заплатить?

– За обезболивание.

Ну и ну! Ещё неизвестно, что и как лечить, а она уже поднимает вопросы анестезии. Знай заранее, чем обернётся это обезболивание, так я уже в этот момент – как в кино показывают – дёрнула бы за руку так, что очнуться ей пришлось бы уже в гипсе. Вот и вся анестезия! Но зло, как уже говорилось чуть раньше, коварно: я не насторожилась, ни на грамм.

– Думаю, мы обо всём договоримся.

– Тогда давайте, – она в очередной раз улыбнулась.

– Что давайте? – некоторое недоумение возникло в моём сознании.

– Говорите, сколько будет стоить обезболивание.

Чего это она так озабочена анестезиологической стороной лечебного процесса, подумала я? Обычно люди прежде о сути болячки спрашивают: что будет да как быть. Наверное, наслышалась страховок от медицины. Или попросту трусиха. Ведь падают же некоторые в обморок даже от вида шприца. Да что там от шприца – от ватки с капелькой крови валяются. Если она такая, решила я, сразу нужно обнадёжить.

– Не в цене суть, а в качестве. Правильный путь введения, удачно подобранный препарат, и посещение врача запомнится как сеанс релаксации.

– Здорово! А какие препараты вы будете делать?

– Обезболивающие конечно.

– Понятно, что обезболивающие. А какие?

– Да любые, – пожалала плечами я, – я обычно с комплексом препаратов работаю.

– А какие именно? Реланиум будет?

– Если хотите, будет и реланиум, – с некоторым недоумением заверила я, даже не задумываясь, чего это она прицепилась к обезболиванию.

У меня как раз залежались пара ампул этого препарата, относящегося к группе сильнодействующих (прошу не путать с наркосодержащими – это совсем другая история). К слову, в эту группу входит даже спирт – если сотрудник нарконадзора задержит вас со ста граммами его девяносто процентного, то запросто может завести уголовное дело. Это что-то вроде хранения в больших количествах, а если вы подарите этот пузырьёк другу, то ещё и за сбыт. А если рядом будет кто-то третий, то могут пришить и преступное сообщество. К сильнодействующим относятся: анаболики – обратной стороной могучей мускулатуры культуриста является уголовный кодекс; снотворные – не дай бог, замучает бессонница, можешь в итоге загреметь на нары; ещё какие-то: не буду ворошить весь уголовный кодекс. Так что, если захочется успокоить нервишки, лучше воспользоваться валерианой (хотя она тоже на спирту – главное не закупать больше двух пузырьков, не то статья обеспечена), а не реланиумом.

– Отлично! – обрадовалась она, – ну, и сколько?

– Чего сколько?

– Ну, сколько будет стоить с реланиумом?

– Но это лишь транквилизатор: так, немного страх поубавит и всё, – пояснила я наивная, даже не догадывающаяся о сгущающихся надо моею головушкой грозных туманностях.

– Пусть поубавят. Вы только скажите – сколько.

Откуда мне было знать, что две ампулы банального транквилизатора из ящичка рабочей тумбочки могут подвести под статью с квалификациями хранения, сбыта, и все это в больших количествах и в группе лиц со сговором. Во как! Значит могут, если это кому-то стало нужно. Я, естественно, даже не подозревала, что найдутся чудачки на букву «М», кому это надо, и такие же чудачки в погонах, которые возьмутся за это дело со всей профессиональной серьёзностью, даже используя в процессе последние достижения прогресса – мобильные телефоны с диктофоном и функцией СМС. Многогранность гаджета удачно дополняет однобокость мозга. А порой и полностью выполняет пустую черепную коробку электронным веществом, но давайте не будем так категоричны ко всем служителям закона. Радует во всём этом лишь то, что при определённом раскладе вещей ночной небосклон становится чище, лишившись нескольких паршивых звёздочек. Но пока они, законопаченные то ли в созвездии Малых Валетов, то ли в скоплении Больших Козлов, ещё только вибрировали, перед тем как слететь вниз, я неосознанно продолжала противодействовать звёздному искрению.

– Да причём здесь «сколько», – отчего-то мой разум на подсознательном уровне не шёл на обсуждение финансового вопроса, – моя работа вообще не зависит от денег. Дадите ли вы мне, не дадите ли, я всё равно буду делать свою работу на совесть. Сейчас дам распоряжение медсестре, пусть готовит инструментарий и накрывает столик. Раздевайтесь, ложитесь на кушетку. Оплата потом, сначала дело.

Не получив желаемого ответа, настырная пациентка вновь раскрыла рот для очередного уговора, но вдруг увидела шкаф, содержимым которого медсестра должна будет накрыть столик по моему распоряжению. Челюсть отвисла, сведя губы в гримасу ужаса: на стеклянных полках сверкали хромом те самые приспособления, коими предстояло делать дело. Уже при одной мысли о том, как клыкастые щипцы дробят суставы, а зубастая пила превращает бедро или плечо в крошку (горки костных опилок вперемешку с сочащимися сероватой лимфой кусочками костного мозга, сдобренного расплывающимися пылинками крови), тема оплаты попросту выдувается из головы через уши. Здесь же обстоятельства принимали конкретный характер: клиентка, на деле оказавшаяся оперативницей под прикрытием, решила, что сейчас её начнут таким образом лечить. Она, возможно, допускала в своей работе идею расстрела преступника без суда и следствия, и сейчас ощутила себя в ситуации участника казни, но не палачом, а жертвой.

– Ну что вы мешкаете? – заметив ступор в поведении клиентки, мои руки потянулись к её плечам, дабы уложить на кушетку, – давайте уже начнём.

Я, конечно же, хотела приступить к первичной диагностике, без которой лечение лишено любого смысла, но как будто бы оказалась не понята. Лицо клиентки вдруг приняло землистые тона (пятьдесят оттенков серого!): она в ужасе отпрянула от меня, на мгновение замерла, а потом решительно сунула руки в карманы. Далее, вытаращив глаза – не накинусь ли, резким движением извлекла из закровов пиджака в одной руке телефон, а в другой какую-то бляху.

– Нарконадзор! – истошно завопила она, размахивая сжатой в пальцах бляхой по сторонам, как сошедший с ума поп изгоняет крестом бесов, только намного более дергаными движениями, – Всем стоять! Не двигаться! Нарконадзор!

Другой рукой, большим её пальцем, «клиентка» давала ход заранее заготовленной СМСке: что-то невероятно засекреченное, типа «ВОГСПЗИБВКМЗПП» (наисложнейше зашифрованный код: Всей Оперативной Группе Срочно Покинуть Засаду И Быстро Выдвинуться К Месту Задержания Предполагаемых Преступников) полетело в эфир.

Я, ничего непонимающая в происходящем и этим совершенно дезориентированная, практически оцепенела от такого поворота событий.

II

1.

Вопрос, не одно столетие терзающий концептуальные умы, звучит так – «Что первично? Материя или сознание?». Не вдаваясь в доводы материалистов и идеалистов, а как раз опираясь на их извечные споры, можно уверенно утверждать лишь то, что истина пока от нас укрыта. Даже по сей день человек задыхается в вакууме дилеммы курицы и яйца. У меня и здесь есть своё мнение: если кто-то/что-то способен/способно породить материю, обладающую реальной стоимостью, а материя усложняет сознание создателя, то первичен дуализм. Нагружен ли мой подход к проблеме философским смыслом, не задумывалась – не изучала ни Гегеля, ни Маркса. Но, думаю, если вдруг курица несёт золотые яйца, то первичны и она, и её продукт. Точнее – скорлупа: уже с эмбрионом в желтке или ещё нет, содержимое не может быть драгоценным, если только за стенами курятника не идёт борьба за пищевые ресурсы. В общем-то, для рационального человека важны и курица и яйцо: без того и/или другого не будет скорлупы, в том числе золотой. Вот именно такую я себе и оставила бы, предоставив обладателю запутанного сознания всю прочую материю: пусть он её крутит во времени и кривит в пространстве.

Вряд ли и подобная, и вообще какая-нибудь философская вошь колуается в складках извилин Листикова. По кой хрен ему загонять мозги в интеллектуальные виражи, если это грозит свалом в пике заумностей. Подполковник, скорее всего, мыслит – и всегда мыслил – простыми категориями.

Мыслил и вообще, и когда он шёл по коридорам управления на аудиенцию к начальству. Если чем и свербела рана его неудовлетворённых амбиций, так это, как уже известно, отсутствием видимой перспективы карьерного роста. Даже прапору известно, чем больше звёзд и чем они крупнее, тем ярче блеск. Довесок – «скромная» льготы в виде повышенного жалования; опять же плюс. И если генерал подписывает разрешение на оперативно-следственные мероприятия, возникает шанс продвинуться. Поэтому-то на карту и поставлено раскрытие ни какого-то очередного притона токсикоманов-одиночек, а, возможно, отлаженной сети хищений и сбыта сильнодействующих препаратов, а может, если подфартит, и наркотиков. Если постараться, можно наскрести и на сговор в группе лиц, и особо крупные размеры партий, и потребление. В общем, если заблаговременно поднатореть в убедительности доклада, генерал всегда подпишет. Когда на плечах звезда размером с Сириус, для вынесения вердикта доста-

точно голословных доводов, доказательства не обязательны. Он, генерал Александр Григорьевич Кривена, имея поднятое настроение, как-то сказал, что у медиков как минимум должно быть по одному уголовному делу. Иначе, мол, они плохо лечить будут, если их за шарики не держать. Весёлый парень, живёт юмором. А почему бы не веселиться, когда и зарплата ничего, и пенсия приличная гарантирована, и подруга клеевая, санитарка из госпиталя инвалидов войны, на стороне есть.

Но оперативные хроники порядком набили оскомину идущими сплошной чередой репортажами о недоумках, доведших себя до деградации всевозможными коктейлями из химикатов. Фотографии безнадёжных дебилов с гноящимися от инъекций венами давно стали атрибутом социальных сетей. Сайтов, предлагающих смертоносных смесей не меньше, чем рецептов их изготовления. Более масштабных историй же – сюжетах о сетях наркотрафика, разгромах лабораторий, раскрытиях картелей – очень мало. А когда не видно работы, высшее начальство может обломать хорошую «житуху». Поэтому, дабы продлить профессиональное веселье, нельзя стоять на месте – нужно движение. Отсюда и секретная директива об усилении работы на местах. Текст документа, расписанный на нескольких страницах, можно выразить несколькими словами – «работайте ребята, работайте!» И все, кто не хочет в охранники или ещё куда, кинулись исполнять приказ.

Но на местах многое оказывается несколько иным, чем видится из центра: наркотрафики охраняются, лаборатории «крышуются», картели с кем-то там срачиваются. Ситуация порой такая, что даже к простому наркодиллеру не подступишься – всё проплачено. А сверху жмут. Вот некоторые перегретые головы, отмеченные кокардами, и обнаружили для себя благодатную нишу – медицину. Оказалось, что буквой закона, при желании, можно прижать к стене правосудия, например, ветеринара. Или врача, и даже онкобольного. Да что там онкобольной – обычный алкоголик, если приобретёт в аптеке спирт (не путать с антисептической жидкостью – это напиток не имеет ограничений по части реализации) без рецепта, может не только сам пойти по этапу, но потянуть за собой и фармацевта. Купи два пузырька корвалола и ты становишься потребителем. Подари их соседу – сбытчиком, а уже сосед – потребителем. А не фиг брать по два пузырька!

В общем, когда перспектива высвечена, очередь за действием. Но чтобы процесс пошёл, нужен, как уже стало ясно, не опустившийся алкоголик. На нём, несмотря на примитивность, логическую цепочку – преступление и наказание – выстроить можно, но реализовывать не престижно. Для шумного дела требуется относительно публичная личность, и долго искать не пришлось. Первыми под удар попал ветеринар: он, видишь ли, решил оперировать кошечек не под тем наркозом. А нарконадзору плевать на кошечек, если наркоз вне закона. Раз – и уголовное дело! Следом пошёл терапевт. Умирающему от рака помог, но не вровень с колеей кодекса – получи статью. Два! Кто следующий на очереди? Хирург! Три! Операцию обезболит чем-то посильнее анальгина – на тебе судимость! И далее в этом духе. Таким образом, «отстрел» начался. Естественно, кто жал на курок, в качестве отдачи получал повышение.

Последнее, однако, отчего-то не касалось Листикова. Ну, никак он не мог нащупать ниточку, ведущую к успеху. Уровень рутины с отбросами общества уже не соответствовала его амбициям. Информация о подзаборной шушере наполнила пространство между извилинами, как кислятина забивает зубы оскоминой, что, естественно, причиняет беспокойство. Фантазии амбициозного (мне здесь больше нравится термин «имбецильный») мозга всё чаще рисовали с ума сводящие картины грандиозных операций с выстрелами и криками. Иногда дело доходило до лучей прожекторов и рёва серен, а так же разрывов авиабомб или, на крайний случай, гранат, а не только до стрельбы. Причем стрельбы из разнокалиберного оружия во все стороны, обязательно со свистом трассирующих пуль и искрами рикошета. Крики оперативников, бесперебойно палящих предупредительными выстрелами, должны сопровождаться громогласными командами из мегафона, сотрясающего воздух. И воздух, и волю тех, на кого

производится облава. Но в реальности они – те, на кого по большей части были направлены фантазии Листикова – никакой воли вообще не имели, а безвольному человеку даже наручники не нужны. Поэтому начальство, не видя необходимости в грандиозных мероприятиях, остужало пыл. В такие моменты полного разочарования приходилось отключаться на мыслях о выпивке или о бабах.

Ох уж это начальство! Скольким подчинённым оно обломало крылья, не дав воспарить в бесконечную синь. Последняя, в большинстве случаев, ассоциировалась с отсутствующими в реальности званиями.

«Маршаллссимус, – когда молекулы этанола устремлялись в атаку, порой размышлял Федя (это полное имя Листикова; сокращённое – Фёдор), – это тот, кто должен стоять над генераллссимусами. Если постараться, можно стать даже маршаллссимусом. А перед ним никакая баба не устоит».

Но в один из таких моментов его, видимо, осенило – не обязательно обуздывать бабу званием. Можно попросту прижать её к стенке, шантажируя некими уликами. Не имея выхода, она, конечно же, станет более податливой.

Имелась ввиду, естественно, я. Откуда он узнал о тонкостях моего промысла, не знаю – у них всегда имеется своя агентура. То есть мелкие доносчики, так называемые стукачи. По всему один из них и стукнул на меня, вот Федя и решил поиграть на этом андрогенами. А если не выйдет, то в отместку "Дело" провернуть. Как в истории с петухом и курицей: «если догоню – потопчу, не догоню – согреюсь». «Петух», конечно, имеет право на свою поведенческую позицию, но последнее слово за «курицей». Эпизод нашей случайной встречи у «Нормана» показал, что потоптать не получится, и тогда он решил согреться. Уголовное дело – а лучше тома уголовных дел – отличный источник тепла для подобных чаяний.

В общем, шеф подписал согласие на проведение оперативно следственных мероприятий без проволочек. Лаврухе – так в непринуждённой обстановке генерал Кривена называл Листикова – пришлось, конечно, накидать в ходатайство отсебятины, но, как говорят следяки за бутылкой, без оперативной лажи не сварить уголовной каши. Руководствуясь этим правилом, Фёдор полистал Уголовный кодекс и набрал из него в прошение несколько параграфов, едва не перегнув палку.

«Не хрена себе у вас дела творятся! – удивился Кривена, прочтя документ, – ещё немного, и засвистят пули».

Он где-то оказался провидцем: Листикова в какой-то момент так понесло, что в обоснованиях прошения едва не появились строки о черепах с дырками во лбу. Но версия, где за молодой красоткой, работающей в уездной больничке, тянется кровавый след, ведущий к горам трупов, вряд ли покажется убедительной. Подумав, он решил, что в фантазиях не стоит докатываться до Чикаго времён сухого закона, и оставил версию, более отвечающую правилам благоразумия. Хотя можно было бы поспорить о благоразумии всего предприятия и вообще о правилах, но ко всему есть свои мерки.

Таким образом, получив добро, подполковник принялся разрабатывать план проведения этих самых оперативно-следственных мероприятий. Он даже придумал им название – операция «Нарко». Но как для любого движения нужен базовый момент, для логичного развития событий нужно взятие с полицным. Но если полицное – лучше всего подходят меченные деньги – организовать не сложно, то вот всучить их и потом с ними же и поймать, дело не всегда простое. Одно дело взять чиновника с миллионом, другое – врача с парой-тройкой купюр. Миллион любой дурак возьмёт, а вот мелочь не всегда. Да и медики, если дело касается лечения, обычно принимают благодарность после всего.

– Нужен агент под прикрытием! – вслух заключил Листиков.

Термин для планируемого мероприятия, конечно мощный, превосходящий масштаб личности и её роли в предстоящих событиях. В данном ракурсе больше подходит что-то вроде

«подсадная утка». Но когда голову будоражат планы наполеоновского размаха, мелочиться не стоит даже в выборе понятий. «Агент под прикрытием» звучит солидно и масштабно, не как, например, крот. Проблема лишь в персонале – как подобрать человека, имеющего заурядность внешности и при этом обладающего высотностью обаяния. Обаяния, прямо пропорционального коварности. То есть авантюрист в рамках закона.

Вроде бы чего сложного, но, исходя из реалий некоторых моих размышлений, в природе общества заложены некоторые законы, исключающие симбиоз авантюризма и уголовного кодекса. И один из этих законов звучит примерно так – не три горошка на ложку. Или красота, или ум, или погони. И то и то и то вместе – явление исключительное. Мундир зачастую симпатизирует красоте, а вот уму – точнее, независимому уму – не особо. Не может одарённый человек служить кому-то, а авантюризм, это в какой-то степени независимость, способная порождать одарённость; зло она таит или добро, это уже другой вопрос. И если у человека нет ни внешней привлекательности, ни внутренней одарённости, то служба в органах остается практически единственным делом. Отсюда и проблемы с персоналом.

«Тимохина красивая, но дура, Синюхина в прыщах и заикается, Бормотухина двух слов связать не может, – рассуждал Листиков, перебирая кандидатуры для оперативно-разыскного мероприятия, – Прикладова пусть некрасивая и душная, но не совсем дура, да к тому же способна на некоторую хитрость. И совести у неё нет. Вот и будет «засланной».

На том и порешив, он достал из кармана телефон. Покопавшись в мобильном каталоге, остановился на закладке «Приклад» и надавил на клавишу вызова.

Операция «Нарко» вступила в свою начальную фазу.

2.

Раньше Катю Прикладову я не знала, если не считать случай на банкете, где столкнулась с её взглядом, наполненным ненависти. Из диапазона взглядов, долетавших до моей персоны за последние несколько лет, можно было бы составить сложный спектр, и поэтому ещё один почти не отложился в памяти.

Катя, как выяснилось позже, представляла явление, называемое преемственностью поколений, в полицейском его воплощении. Её отец, достигший высоких чинов благодаря шершавому языку, с почестями был выперт на пенсию, когда высокопоставленные задницы перестали маячить перед носом. Бывшие сослуживцы отзывались о нём плохо или никак – достойная характеристика для карьериста такого уровня.

Пословица «хочешь иметь смазливую потомка, выходи замуж за подонка» в его случае дала сбой: то ли семя оказалось протравлено гарью карьеризма, то ли почву изъела эрозия неудовлетворённости, возможно, всё вместе, только вместо идеала природа выдала на свет генетический сорняк. Но, как бы там не было, своё оно есть своё, и в итоге дочь выросла не без отцовского внимания, а когда пришло время определять жизненный путь, с любовью была пристроена в Органы. Органы, несмотря на способность переваривать практически всё, в случае с протее дали сбой и отпрыгнули её в своеобразный отстойник. Но жизнь не заканчивается, приспособливаться нужно даже оказавшись в «отстойнике», и Катерина согласилась стать наркополицейским.

«Приспособляемость, – рассуждала она, идя на первый рабочий день, – это путь к выживанию. Придёт время, я всем покажу долгую страстную пятницу».

Время шло, но случай для воздания страстной пятницы не подворачивался. Красивые мужчины – предпочтение отдавалось, конечно же, красивым – тоже проходили мимо, и тогда Катя решила модифицировать своё тело, а для большего эффекта начала с лица: в голову пришла идея сотворить пирсинг. А на этом моменте можно слегка заострить внимание и оста-

новиться, чтобы пристально разглядеть явление, не новое, но в определённых кругах прогрессивное.

Слова «пирсинг» нет в русском языке, но есть подходящее слово «дырка» и аналогичное понятие «прокалывание дырки в теле». Так вот, в протест путанице и появился новый англицизм, обозначающий, старое, по сути, дело. Дырки в теле, дабы как-то выделиться на общем фоне, прокалывались постоянно и по всему миру, кочуя от одного субъекта анатомии к другому в течение тысячелетий. Папуасы облюбовывали ноздри, майя и ацтеки не жалели языки, эфиопские мурси предпочитали нижние губы, на Борнео дырявили интимные места, и так далее. Но современно общество пошло дальше и явило миру целую культуру пирсинга, и даже создало ассоциации профессиональных пирсеров. Если в недавнем прошлом, прокалывая нетипичные места, можно было обратить на себя внимание, то сейчас наблюдается обратный процесс. Проведя анализ мировых тенденций, Катя Прикладова пришла к выводу, что достигнутое человечеством есть чистой воды пошлятина, и что в этом деле нужна откровенная агрессия. В общем, она запланировала произвести проколы везде и приступила к процессу с орального варианта – с пирсинга Монро/Мадонна.

Листиков поначалу принял блестящий прыщик на её губе за меланому, но когда пригляделся, то понял в чём дело. Конечно, украшать себя побрякушками для офицера всегда было почётом, но дальше мундира – значки, аксельбанты, пуговицы – дело шло крайне редко. Последние в этом деле казаки со своей серьгой в ухе, но наркополицейский не казак. Если когда и допускалось наличие дырок в коже сотрудника ГСНН, то лишь от пуль наркодельцов. Решив провести беседу о моральных ценностях своей службы, подполковник вдруг понял, что с этой «меткой Мерилин» её везде примут за свою.

И он не ошибся – какому же наркоману или наркодельцу придёт в голову подозревать человека с повадками папуаса. Логика проста – где это видано, чтобы мент на хипповских понтах расслаблялся: если в языке железо, в ноздрах стекло, в мочках ушей «тоннели», да ещё и дурацкое тату набито, то можно смело что-либо «замутить», например дозой отовариваться или косячком разжиться. Так что в данном случае увлечение, где-то непристойное для сотрудника в погонах, оказался удачной находкой. Пройдясь по ушам дежурной фразой «хорошо выглядишь», Листиков пожелал Катерине «так держать», отчего та зарделась даже там, где стыдно. Не догадываясь, что самосовершенствование через пирсинг это зараза, а комплемент – зло, она углубилась в изучение субкультуры. Уже через неделю, как напоминание о средневековых эпидемиях оспы, лицо Катерины украсили ещё три перламутровых букашечки. В этот знаковый момент шеф и вызвал её к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.